

Особенности формирования образа врага у белогвардейцев

Образ врага – психологический конструкт, формирующийся, с одной стороны, индивидуально у каждого комбатанта на основе личного опыта, и с другой – создаваемый государственной пропагандой в расчете на все население сразу. Он формируется на основе довоенных стереотипов, бытовой неприязни к «чужому» еще до непосредственного столкновения армий – и затем постепенно трансформируется после контакта с живым врагом, обогащаясь конкретикой и личными переживаниями. Иными словами, итоговый результат получается под влиянием «сверху» и «снизу».

Рассмотрим образ врага у белогвардейцев в источниках личного происхождения (формирование «снизу») и в агитационном плакате (формирование «сверху»).

В источниках личного происхождения

С течением времени, по мере того, как большевистская армия эволюционировала и изменялась, менялся и их образ в глазах противника. Первоначально белое офицерство относилось к большевикам как к диким и необразованным беглым каторжникам, ничего не смыслящим в

том, во что ввязались. За серьезного противника их не принимали:

«Подождите, будет вам жарко – как вы теперь, паршивая рвань, сумеете встретиться с нами в открытом и равном бою. Хватит ли у вас на это смелости?»¹

«Эти отряды, составленные из подонков городских жителей, выпущенных из тюрем преступников, «красы и гордости революции» – матросов и другого сброда, отнимая у крестьян продукты пропитания, заодно грабили у них деньги и все ценное»².

Это был взгляд на большевиков как на некую стихийную, неорганизованную массу. Этот враг многочисленен и жесток, но глуп. Эпитеты, применяемые к большевикам в среде белых, варьировались от «маргиналов и каторжников» до «красных деспотов и палачей»³.

К 1919 г. большевистская армия стала более опытной и дисциплинированной. Красных уже не воспринимали как «взбунтовавшуюся чернь». Первоначальное презрение и брезгливость менялось в сторону признания большевиков как опасного и сильного противника, особенно после того, как в крестьянской среде стала преобладать симпатия к красным – или, как вари-

ант, полное отвращение к войне в каком угодно виде. Было возможно и фронтовое сочувствие к противнику, заслужившему уважение поведением в бою:

«Был взят казаками в плен также и один большевистский командир: здоровеннейший детина, красавец – гвардейский матрос, который своей отвагой в бою и спокойствием в плену положительно привлек сердца казаков. Вместе с другими пленными его немедленно отправили в тыл»⁴.

Разумеется, такое отношение могло быть только к одному конкретному врагу, с которым комбатант столкнулся лично. На образ вражеской армии в целом такие исключительные случаи мало влияли.

Часто в источниках личного происхождения встречаются библейские метафоры, описывающие «врага-нехристя», которому чуждо все святое и человеческое:

«Несколько человек наших офицеров судорожно пытаются спасти положение, сохранить организацию и всячески тормозить работу большевиков на разрушение, в надежде, что *царство Зверя* продлится недолго», – пишет в дневнике А. П. Будберг⁵.

«Гефсиманский сад России был 1917 год. Голгофа ее длится до сей поры»⁶. (генерал-лейтенант К. В. Сахаров.)

Г. К. Гинс, задаваясь вопросом, кто же может спасти Россию, отвечает цитатой из Евангелия (и одновременно эпиграфом к «Бесам» Ф.М. Достоевского): «Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло... И вышли жители смотреть случившееся, и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме и ужаснулись».

Он же: «Коммунистическое государство по самой природе своей таково, что даже при полной дисциплинированности агентов власти оно создает ад, подавляющий человеческую личность»⁷. Красочные, пугающие сравнения противников с нечистью у него тоже присутствуют⁸.

«Нужно радоваться, что город освобожден от красного дьявола»⁹.

Подобных примеров довольно много, и перечислять их все не имеет смысла. Библейские аналогии были очень распространены, словно в пику воинствующему атеизму большевиков.

Очевидно, приравнивание революционеров к бесам началось не в 1918 г. и даже не в 1871 г., когда был издан роман Достоевского. Поражение в войне или наступление смуты традиционно объясняется Божьей карой за грехи народа или князя\царя¹⁰.

«Предатель родины» – та черта, которая была присуща образу большевика в сознании белогвардейца с начала и до конца. Они утратили право называться русскими. Их с самого начала ассоциировали с чужеродной силой – это все были не русские люди, а «продавшиеся немцам большевики» и «жиды-коммунисты».

«...Явное покровительство и имеющиеся данные об активной роли Германии <...> определенно делило и идеологическую, и практическую сторону дела на две части: антибольшевистскую с союзниками, с одной стороны, и германо-большевистскую, с другой. <...>

До чего помощь Германии большевикам считалась бесспорным фактом, видно хотя бы из того, что момент происшедшей революции в Германии, в ноябре 1918 года, учитывался всеми деятелями Белого движения и печатью как скорый разгром Красной армии, остающейся без немецкой помощи»¹¹.

Словно все еще продолжалась война с внешним врагом, и на полях сражений белые сталкивались не со своим народом, а с иностранцами. Вообще же все появившиеся противодействующие силы тут же ассоциировались с иностранным вмешательством: когда чехи из друзей перешли в категорию врагов, их тут же поставили в сговор с Антантой и США, отколовшихся семеновцев – с Японией. Ведь было бы абсурдом защищать Россию от русских. Участники Белого движения пытались вернуть войну в привычное им измерение, зафиксировать образ врага, весьма неопределенный в условиях Гражданской войны, придать ему устойчивые точки.

«Предательство» большевиков в глазах белогвардейцев еще и предательством Иуды. «Русский» и «православный» были взаимозаменяемыми определениями: другими словами, большевистская революция – это покушение на христианскую родину и самого Бога.

«[Мы] ждали дня, когда святыни Кремля будут очищены от нечисти интернационала»¹². Что тут еще прибавить?

Рис. 1. Через кровь и через трупов горы...

Рис. 2. Что несет народу большевизм

Образ врага в агитационном плакате белых

Задача пропаганды – дегуманизировать врага, с одной стороны, чтобы обеспечить моральное обоснование войне, и с другой – внушить армии мысль, что враг уязвим и его можно победить. При этом образ не создается с нуля, но выстраивается на уже существующих предубеждениях, ксенофобии и человеческой склонности во всем непривычном видеть враждебное. «Восприятие чужака в качестве врага уходит корнями в родоплеменное общество человечества. Именно тогда закладывались социально-психологические механизмы «образа врага», как правило, вне своей микросреды»¹³.

Белогвардейская агитация успешно использовала бытовую ксенофобию и антисемитизм. Если красные ассоциировали белых с англичанами и американцами, то в белых плакатах красные изображались немцами, китайцами или евреями.

Рис.3. За единую Россию

На одном из известных плакатов большевики во главе с Троцким ведут на Голгофу Иисуса, олицетворяющего Россию, что уточняется в стихотворении, помещенным под изображением (*Через кровь и через трупов груди, / Лобызая в бледные уста, / Посылает снова внук Иуды / На Голгофу распинать Христа...*) – «Рис.1»

Большевизм изображался как всадник-смерть («Что несет народу большевизм» – «Рис.2»). Цветовая символика Апокалипсиса была очень популярна: белый всадник против красного дракона, белый ангел против огненной бездны. Также популярный религиозный сюжет – попирание монстра; монстр, конечно, всегда красного цвета. – «Рис.3»

В плакатах описывались преступления большевиков против крестьян: грабежи, комбеды, поджоги, отъем хлеба («Хлебная монополия в совдепии», «Сибирский хлеб», «Петр и Василий или деревня в «совдепии» – «Рис.4»). Престу-

пленя против веры: осквернение икон, убийства священнослужителей, разграбление церквей – «Рис.5»

Также большевики изображались поклоняющимися дьяволу или в образе дьяволов, как например, Ленин и Троцкий на агитке «Федеративная Советская монархия». – «Рис.6»

Плакаты же, выполненные в сатирическом ключе, сосредотачивались в основном на пьянстве, коварстве и глупости противника, а также лживости его агитации. Прекрасный пример юмористического плаката – билибинский «Как немцы большевика на Россию выпускали»: тут вам и немцы, и пьянство, и шпионство. – «Рис.7»

Большевик коварен, сообщает нам белогвардейская пропаганда. Все его обещания лживы.

Он обещал народу землю и богатство, а принес голод и нищету. Красная агитация не содержит ни слова правды, во всем у них есть своя корысть, и до русского народа им нет никакого дела. Они лишь пользуются людской доверчивостью, следуя своим интересам – заодно с интересами Германии.

Созданный в пропаганде образ, как и было сказано, с одной стороны, вызывает резкое неприятие, а с другой – насмешку и презрение.

Итак, главная черта, которой наделяли белогвардейские офицеры образ врага: большевик – предатель родины и предатель Бога. Он предал то, что сердцу офицера и порядочного человека должно быть дороже всего. Образ большевиков-«нехристей» не только создавался белой пропа-

Рис. 4. Петр и Василий или деревня в «совдепии»

БЕЗЧИНСТВА БОЛЬШЕВИКОВЪ ВЪ ЦЕРКВИ

Рис. 5. Бесчинства большевиков в церкви

гандой – он возникал спонтанно, что отражено в источниках личного происхождения. Большевики были слугами дьявола – значит, борьба с ними была не только воинским долгом, но и долгом христианским.

Вторая характерная черта – большевики не считались русскими людьми. Настоящий русский, с точки зрения белогвардейца, никогда не

предал бы Россию, согласившись на позорный Брест-Литовский мир, и никогда не поднял бы руку на саму Россию, развязав Гражданскую войну. Поэтому большевики могли быть «жидами-коммунистами» и «германо-большевиками», но никак не их соотечественниками.

С учетом подобного образа врага происходила и самоидентификация самих белогвардейцев. Большевики, по их мнению, ненавидели и презирали все русское – белые любили родину и были русскими патриотами. Большевики были неверующими и воевали с Церковью – белые видели себя православными воинами, сражающимися с нехристями. Большевики сражались ради личной выгоды и возможности «грабить награбленное» – белые сражались не за себя, а за Россию...

У белых не существовало единого правительства или политической программы, в движении участвовали люди самого разного социального происхождения. Проблематично было найти нечто, консолидирующее все Белое движение, – но они были согласны по крайней мере в том, что сражаются с дьяволом на стороне Бога.

Рис. 6. Федеративная Советская монархия

Рис. 7. Как немцы большевика на Россию выпускали

-
- ¹ Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь. // *Россия забытая и неизвестная: 1918 год на Востоке России*. М., 2003. С. 103.
- ² Ефимов А.Е. Ижевцы и воткинцы. // *Россия забытая и неизвестная: 1918 год на Востоке России*. М., 2003. С. 355.
- ³ Щедрый на словесную живопись А.П. Будберг: «Дикари, грубые язычники, гунны и средневековые ландскнехты, сподвижники Пугачева и Стеньки Разина, кровожадные садисты разных времен должны найти себе достойных и далеко превосходящих их последователей в лице тех хулиганских орд, что нависли над Россией». Будберг А.П. *Дневник*. М., 2003. С. 93.
- ⁴ Маевский В.А. Гвардейские саперы. *Россия забытая и неизвестная: Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе*. М., 2002. С. 583 – 673.
- ⁵ Будберг А.П. Указ. соч. С. 180.
- ⁶ Сахаров К.В. *Белая Сибирь*. // *Россия забытая и неизвестная: Восточный фронт адмирала Колчака*. М., 2004. С.198. «... Но будет и воскресение. Так же неожиданно, таинственно и сияюще. И встанет Россия из гроба».
- ⁷ Гинс Г.К. *Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920*. М., 2008. . С. 513.
- ⁸ «Когда из уст его раздалась угроза: «Буржуазия еще хрипит, но мы ее скоро совсем задушим», — руки его сжались в кулаки, лицо вытянулось — казалось, в этого человека вселился вампир. Впечатление было жуткое». Там же. С. 20.
- ⁹ Мейбом Ф.Ф. Указ.соч. С. 99.
- ¹⁰ Миниенко Г.Н., Рябчевская Ж. А. О специфике эсхатологизма в русской культуре. // *Вестник КемГУКИ*. 2014. № 26. С. 102 – 111.
- ¹¹ Котомкин А.Е. *Записки белогвардейца* // *Россия забытая и неизвестная: 1918 год на Востоке России*. М., 2003. С. 231.
- ¹² Сахаров К.В. Указ. соч. С.197.
- ¹³ Гасанов И.Б. *Национальные стереотипы и «образ врага»* // *Психология национальной нетерпимости*. Минск, 1998. С. 193.

